

УДК 94/470-40/. 43. (613/614) – 28(09)

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНИ В 1920-Е ГОДЫ

© 2008 И.А.Гатауллина

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

В соответствии с одним из актуальных подходов научной критики источников рассматриваются опубликованные документы ОГПУ, раскрывающие социально-политическую обстановку в средневожской деревне. Через призму искренности и достоверности сообщений местных спецслужб, а также писем граждан региона исследуется противоречивый характер взаимоотношений власти и общества, сохранявшийся таковым весь период НЭПа.

Введение в исследовательский оборот огромного пласта ранее засекреченных источников стало знаковым явлением современной историографии, не только свидетельствующим о необратимости произошедших в российском обществе глобальных политических перемен, но создающим благоприятные возможности для воссоздания адекватной картины исторического прошлого, прежде всего его правдивой социальной истории.

Одним из таких значительных историографических событий конца 90-х г. XX и нач. XXI в. стало опубликование архивных документов Службы безопасности Российской Федерации [1], изменяющих сложившиеся представления о России 1920-х годов. Эти документы стали, по сути, новой источниковой базой для изучения различных аспектов НЭПа, в частности, для исследования сложных социально-экономических процессов в аграрной сфере, а также общественных настроений в советской деревне.

Но не только новизна этого источника является аргументом в пользу его признания. Как любой иной, данный вид документов требует к себе критического отношения, определяющего его место и значимость в числе прочих источников по истории 1920-х годов. Изучая данные материалы, необходимо иметь в виду и обращать внимание на то, что источник не является объективным отражателем события, так как дает лишь ту информацию, которую в нем ищет исследователь, и передает события через мировосприятие его автора. Эти методологические установки являются основой научной критики, предполагающей, в соответствии с подходом французского ученого А.Про, два важных критерия:

1. Критика искренности, касаемая декларируемых и недеклаируемых намерений свидетеля, имеющая целью выявление ложных утверждений;

2. Критика достоверности, предполагающая объективность положения свидетеля, имеющая целью выявление ложных заблуждений [2. С. 64].

Конечно, при анализе источников важно учитывать такие их характеристики, как массовость, типичность, репрезентативность и др. Но использование критериев искренности и достоверности позволяет раскрыть особую природу советских источников 1920-х годов, которые, отражая определенный плюрализм мнений, суждений и представлений о НЭПе, несут на себе сильнейший отпечаток их идеологизации, принявшей с конца 1920-х годов тотальный характер. Заметим, что критерии искренности и достоверности могут быть использованы в единстве. Но определение хотя бы одного из них уже является серьезным основанием для научной критики.

Все это в полной мере относится к рассматриваемым документам, которые условно подразделяются на два вида: сводки Губчека и письма граждан в центральные органы власти. Данные Информотдела ОГПУ, дополненные сведениями секретного, контрразведывательного и транспортного отделов управления, составляют основную массу делопроизводственных материалов. Оперативные ежедневные сводки, месячные и развернутые полугодовые политико-экономические обзоры содержат солидный комплекс разнообразной информации об истории советского общества. Источник соответствует критерию достоверности, так как предназначался для

использования главным лицом государства, которому необходимо было быть в курсе "всего и вся" как в соответствии с занимаемой должностью, так и по причине сложности стоящих перед властью социально-экономических задач. Состояние экономики и её различных отраслей, уровень и качество жизни рабочих и крестьян, общественные настроения и прочее – всё это составляет информационную базу данных для принятия важных политических решений. Вместе с этим, необходимо учитывать, что сведения направлялись в распоряжение И.Сталина и его окружения под грифом "Совершенно секретно", что уже создает проблему их соответствия критерию искренности.

Письменные обращения граждан в центральные и местные органы власти также неоднозначны с точки зрения вышеуказанных критериев. Выявляя достоверность писем крестьян, нужно учитывать два обстоятельства: грамотность сельчан и их готовность использовать письмо как форму диалога с властью. Документы свидетельствуют, что произвол последней на местах принимал такие масштабы, что крестьянам не оставалось ничего, кроме как написать об этом в Москву. Это были коллективные, реже индивидуальные обращения, в которых описывались нелегкая жизнь, сложные отношения с местной властью, излагались просьбы о финансовой и продовольственной помощи. Наверное, в деревнях были грамотеи, соглашавшиеся на определенных условиях составить тексты писем. Но в ряде случаев их авторство подвергается сомнению, также, как искренность содержания, где нужно было и горькую правду о наболевшем изложить, и лояльность к власти отразить.

Объективно сводки и письма позволяют методом их сравнительного анализа проверить информацию на точность указываемых в них фактов. Они действительно раскрывают политическую обстановку и общественную атмосферу в регионах, помогают прочувствовать настроение граждан новой России и глубину противостояния населения и власти.

В представленных документах НЭПовская реальность в целом предстает как изнанка жизни. Именно негативные стороны действительности находятся в поле зрения Губчека, затеняя в отдельных случаях позитив-

ные социально-экономические и общественные явления. Данная односторонность в отражении событий понятна. Специфика деятельности спецслужб состоит в том, чтобы предупреждать возможность противоправных общественных акций и мероприятий, могущих быть угрозой действующему режиму. Но деятельность ОГПУ была нацелена на решение сверхзадачи: поиска потенциальных врагов социализма. Угроза утраты власти после провала военно-коммунистической политики стала для советского руководства дамочным мечом. Поэтому "сгущение" красок в анализе происходящего накануне и в период НЭПа представляется средством преднамеренным, искажающим реальную действительность, а потому неискренним.

Такой характер документов спецслужб стал формироваться еще в годы военного коммунизма. Местные Губчека были обязаны докладывать в Центр о выполнении продовольственной заготовительной программы или продразверстки. Вот что передавалось в госинфосводке осенью 1920 г. "Настроение крестьян Самарской губернии подавленное, но эту повинность они выполнили без ропота, если бы не была взята столь высокая разверстка продуктов. Работа по сбору зерна идет, хотя и не добровольно" [3, С.613, 630]. "Население Татарской республики хотя и недовольно разверсткой хлеба, но она, тем не менее, уже выполнена"[4, С.613]. "Настроение крестьян Симбирской губернии не в пользу Советской власти – натянутое, но многие селения уже выполнили 100% разверстки" [5, С.607]. В сообщениях выявляются два существенных момента: с одной стороны, негативное отношение крестьян к реквизициям, а с другой – вполне оптимистические отчеты о ходе продразверстки, когда власти на местах максимально сглаживали реальную картину происходящего. Следует подвергнуть большому сомнению искренность авторов инфосводок, сообщавших о 100% выполнении продразверстных заданий. Данные, скорее всего, были подтасованы. Крестьяне под страхом жесточайших наказаний могли отдать продагентам последний мешок. Поэтому наиболее убедительными фактами в пользу неприятия продразверстки являются собственно крестьянские восстания, отчаянная борьба крестьян за физическое выживание в условиях надви-

гающейся продовольственной катастрофы. "Вилочный мятеж и "чапанная война" в Среднем Поволжье, охватившие главным образом, уезды Казанской, Симбирской и Самарской губерний, уже в 1920 г. показали всю глубину противоречий между властью и крестьянством.

Документы, отражающие события начала 1921 г., не оставляют никаких сомнений в том, что власть утрачивала контроль над политической ситуацией в Средневолжском регионе, и местные спецслужбы уже не могли скрывать реальную картину происходящего.

Губчека в срочных телеграммах в Центр сообщали об актах неповиновения и насилия как со стороны крестьян, так и со стороны местной власти. Так, в январе 1921 г. в ряде сел уездов Самарской, а в феврале – Симбирской губерний прокатилась протестная волна с участием женщин. Они угрожали разбить амбары, разобрать хлеб, препятствовали выгонке подвод из сел [6, С. 627, 648]. В с.Крашевка Аткарского уезда Саратовской губернии крестьяне произвели расправу над местными советскими работниками запертыми в здании волисполкома. Военкома Фирсова за отобранный скот "толпа сначала забила ногами, затем поочередно отрезали левое ухо, указательный палец, рассекли правое плечо, разбили прикладом голову". На глазах жены расстреляли в упор агента Еланского райпродкома Фомина. Труп его валялся сутки на площади, и собаки растащили его мозги. Были расстреляны член РКП(б) Януков, начальник районной милиции Инякин. С особой жестокостью крестьяне расправились с предволисполкома с.Журавлиха Самарской губернии. Повстанцы Бурдановской волости Буинского кантона Татреспублики, убив несколько коммунистов, а в районе Батырево – милиционеров, громили общественные амбары и делили семена [7, С. 621, 622, 647]. "Самочинные суды и акты массового неповиновения свидетельствовали о том, что в деревне фактически проходит генеральная классовая борьба среди крестьян, – сообщалось в докладе военкома 226-го полка О.Ф.Игнатюка в Саратовский губком РКП(б) от 19 февраля 1921 г., – так как многие из них оказались обиженными в материальном отношении в ходе развития современной революции" [8, С. 658].

Между тем, оснований для подобных действий крестьян было более, чем достаточно. Ведь продработники в волостях чинили издевательства над ними: грабили их имущество, пьянствовали, поощряли выкуривание самогона, насиловали женщин. За отказ выполнить требования продагентов крестьян подвергали "раздеванию и стоянию на холоде", порке ногайками, арестам без суда и следствия, объявляли о переводе волостей на военное положение [9, С. 642].

Характерно, что, докладывая в Центр о многочисленных фактах неповиновения, Губчека, тем не менее, умалчивали о причинах противостояния власти и населения. О них мы узнаем из писем крестьян. Так, А.Давыдов из с.Баланда Саратовской губернии в письме от 5 февраля 1921 г. родственнику-красноармейцу 22 стрелковой дивизии написал следующее: "Ты мне описываешь жизнь нового строя. Да, действительно, эта жизнь хорошая только на бумаге, да на красивых словах. В сущности, разобрать, то она представляет собой крепостное право. Как теперь настраивается эта жизнь, так жить невозможно. У нас теперь отобрали весь хлеб до зерна, и теперь мы сидим без хлеба. Нам сказали, кто не выполнит 100% разверстку, тот пусть на себя надеется. Через такие дела даже все коммунисты повыписывались из партии" [10, С. 650].

Письмо не только подтверждает чрезмерность продзаготовок, но и доказывает, что сбор хлеба до зерна – главная причина абсолютно безвыходного положения крестьян. Но несмотря на это и факты их активного сопротивления, ничего не изменялось в оценках Губчека, которые продолжали сообщать в центр, что "ссыпка семян проходит спокойно", а "крестьяне хоть и держатся замкнуто, высказываются против Советской власти, но продразверстку выполняют". Очевидная недостоверность сведений местных органов вводила в заблуждение центральную власть настолько, что та продолжала требовать сбора и отправки для нужд центральных районов дополнительных объемов хлеба, более того, форсировать отгрузку семян в потребительские губернии так, будто ничего не происходило. 11 марта 1921 г. СНК и Наркомпрод Татреспублики получили телеграмму В.И.Ленина о необходимости продовольственного

снабжения Приволжского военного округа. Отказ выполнения наряда Центра председатель СТО расценил как недопустимый, подписав реализовать задание "в порядке боевого приказа"[11, С. 666].

Источники свидетельствуют, что Центр не мог не учитывать политическую напряженность в регионах. Скорее всего, именно с этим связаны изменения, вносимые в соотношение внутригубернских и внегубернских нарядов, увеличенных в одних, уменьшенных в других районах. Но это уже не могло стабилизировать обстановку. В телеграмме Саратовского губкома РКП(б), губисполкома и Губчека В.И.Ленину, Л.Д.Троцкому от 19 марта 1921 г. сообщалось, что "посевная компания губернии сорвана, хлеб в количестве 3 млн. пуд. из 7 продпунктов и общественных амбаров расхищен, Советская власть не признается, наряды из центра выполнить невозможно, городам угрожают голодные бунты"[12, С. 667]. Когда в тот же день Саратовский губчек РКП(б) сообщил Ленину об усилении повстанческого движения, последняя фраза текста была следующей: "Саратовская губерния, если не принять меры, может быть потеряна". На это предсовтрудоборона телеграфировал: "Надо РВС Республики заняться этим изо всех сил, иначе будет нам плохо. Ленин"[13, С. 678]. Губерния действительно "уже кипела и бурлила", согласно сводке Губчека от 25 марта 1921 г. "Голодные бунты и разборки продовольственного хлеба нарастают. Фураж кончился, начался падеж скота. Что касается подавления мятежа, то мы с ним не в состоянии бороться", – сообщалось в докладе отдела управления Аткарского уисполкома [14, С. 685].

Ряд декретов, положений, инструкций, вышедших после X съезда РКП(б), был направлен на разряжение гнетущей атмосферы социального противостояния. Декрет ВЦИК и СНК "О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом" от 21 марта 1921 г. был призван обеспечить "правильное и спокойное ведение хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда". В целях обмена, продажи и покупки излишков сельскохозяйственных продуктов снимались штрафные отряды, разрешалось свободное грушевое передвижение хлебных продуктов,

картофеля, сена. Все запасы продовольствия, зерна и фуража, остающиеся у крестьянина после выполнения налога, находятся в его распоряжении и могут быть использованы им для улучшения и укрепления своего хозяйства [15, С. 153].

Анализ общего политического состояния в регионе показывает, что декрет о продналоге снял напряжение, а свободный обмен продуктов одобрялся сельчанами. "Налог на пашню правильный, – толковали самарские крестьяне, – так как побуждает земледельца к рациональному использованию земли" [16, Л. 2.]. Но одновременно отмечалась настороженность к нововведениям. Сводки самарского губчека от 9 – 10 апреля 1921 г. сообщали о недоверчивости крестьян к продналогу, который в ряде уездов был назван очередной ловушкой [17, С. 702]. Пугачевский увоенком сообщал: "Продовольственная политика властей прививается плохо, а отдельные продработники своими репрессивными действиями, конфискацией имущества и арестами восстанавливают население против продполитики" [18, С. 660].

Так, несмотря на отмену продразверстки, карательные меры по изъятию продуктов сохранялись, что было совершенно недопустимо в условиях приближающегося сева. В результате крестьяне остались без семян, засеивать поля было нечем. Все это предопределило начало голода в Среднем Поволжье, когда уже с осени 1921 питание населения строилось на суррогатной основе. Но сбор продналога проходил без учета этого обстоятельства.

Вот что написал самарский крестьянин И.Я.Черников председателю ВЦИК М.И.Калинину 15 сентября 1921 г. "В нашей Святодуховской волости Бугурусланского уезда производится проднатурналог. Берут налог, а выходит хуже прошлогодней продразверстки! Крестьянин намолотил 10 – 12 пудов, а семья 5 – 6 человек. На продналог падает 3 – 4 пуда, которые он отдает без всяких отговорок. А если не отдает – в каталашку клопов кормить. Крестьяне более сильные выполняют, но с озлоблением говорят: "Все основано на обмане. Указано, что излишки – на улучшение своего хозяйства, а здесь выходит совершенно другое. Откуда взять, если не уродилось, да и не обсеяно было за неимением семян?"

Под яровой посев 1922 г. вся охота отпала поля пахать". Местная власть произвела сбор натуралога в силу необходимости, а не подумала, как это отразится на хлебооборотах. Трудовик так и остался без продовольствия и семян, собирает свои манатки и уходит куда глаза глядят. Продинспектор заявил: "Не дам семена ржи до тех пор, пока не соберу продналога" [19, С. 277].

Из документа видно, что для крестьянина продналог не отличался от разверстки; смысл новой политики был ему неясен, и он готов бросить своё хозяйство. Сводки Губчека подтверждали опасение крестьян: отсутствие семян поставило под удар весенний сев. К марту 1922 г. продовольственная обстановка в Поволжье "была почти угрожающей". Население перешло к поголовному уничтожению кошек и собак, поскольку "скот весь проеден, проели и последнюю рубаху... матерями съедаются свои родные дети. Были посягательства и на кражу из могил трупов умерших от голода братьев с целью поддержать свои жизни этими трупами" [20, С. 310].

Эти факты не могли быть оставлены властью без внимания. Принимаются меры о приостановке сбора продналога, об амнистии для его неплательщиков, но в тех губерниях, которые все же выполнили 100% налога, или его отсрочки до урожая 1922 г. [21]. Однако сбор продовольствия не прекращался, и, по сообщениям спецслужб, крестьяне, несмотря на недовольство, сдавали его сверх установленных норм. Так, в Самарской губернии, он был выполнен на 102% от задания [22, С. 458]. Продналог в Татарской республике, также охваченной голодом, "поступал интенсивно, почти без применения административного и судебного нажима" [23, С. 322]. В Саратовской губернии к 15 ноября 1922 г. крестьяне собрали 119,6% продналога, заявив при этом, что самим есть нечего [24, С. 322]. Только в Симбирской губернии к 8 ноября 1922 г. поступило всего 50% от задания, но чтобы его уплатить полностью к 1 января 1923 г., крестьяне вынуждены были продавать последний хлеб. Неискренний характер инфосводок Губчека очевиден. Перевыполнение заданий в условиях голода было возможно только в результате применения силовых методов, в отдельных случаях признаваемых авторами сообщений.

Сбор продналога с урожая 1922 г. вызвал тяжелый продовольственный кризис в Среднем Поволжье. Сводки сообщали: "Положение в Поволжье нужно признать далеким от удовлетворительного. Налог почти всюду поступает хорошо и даже озлобления не вызывает, но население после его сдачи обречено на голодовку. Принудительный сбор продналога – единственная причина ухудшения положения крестьян" [25, С. 487].

При всей неискренности сообщаемого, сводки ОГПУ, тем не менее, зафиксировали зыбкость социально-политического равновесия в деревне. За якобы терпимым отношением крестьян к власти, которой отдавался последний хлеб, на самом деле скрывались едва сдерживаемые чувства раздражения, враждебности. "Жить бы хорошо при Советской власти, кабы двух шкур не драли, – толковали крестьяне. – А то земельку-то дали без аренды, а за это товарищи продналог берут: за пуд соли – три пуда ржи. Раньше (до революции – И.Г.) любили сало есть, а теперь хрену не хватает" [26, С. 26, 40].

В 1923 г. продналог был заменен единым сельхозналогом, который исчислялся и выражался в ржаной или пшеничной единице, взыскивался натурой или деньгами. Декрет "О едином сельскохозяйственном налоге" и "Временная переуступка прав на землю трудового пользования" создавали правовое поле хозяйствования и реализации налоговой политики. Однако последствия голода и неурожая не позволяли крестьянам выйти из потребительских тисков хозяйства. По мере приближения срока уплаты налога они продавали последний скот, чтобы внести необходимую сумму. Так, в январе 1925 г. бедняки Атяшевской волости Ардатовского уезда Ульяновской губернии предлагали зажиточным хозяевам купить коров и свиней и были очень недовольны этим. После сдачи налога 85% населения Самарской губернии питалось только суррогатами. По сообщениям ОГПУ, агенты по сбору сельхозналога оказывали давление на крестьян, которые, продав последнюю скотину, оставались вовсе без средств. К февралю 1925 г. 40% крестьянского населения Поволжья питалось суррогатами, усиливался голод [27, С. 146].

В данных условиях объемы налоговых заданий к середине 1920-х годов могли вы-

полнить только зажиточные слои крестьянства. Но и они саботировали сдачу налога, так как не имели возможности выгодно для себя продать выращенный урожай. В сводках ОГПУ отношение к налогу именно зажиточных крестьян отмечалось как резко отрицательное.

Во II-й пол. 1920-х годов стала расти новая волна недовольства налоговой политикой. Расхождение между закупочными и рыночными ценами не стимулировало крестьян к продаже зерна. Напротив, участились факты саботажа сдачи сельхозналога. Сводки ОГПУ фиксировали сокрытие излишков хлеба, раздачу его беднякам, родственникам, перемалывание на муку, немедленную продажу или попросту закапывание в землю [28, С. 273, 433]. Декабрьский план 1928 г. в Татарской Республике был выполнен только на 13,5%: 6633 против 49140 т от задания [29, С. 643]. В данной обстановке меры административного нажима и угроз по отношению к держателям излишков превращались в основное средство сбора налога и всякого сбора платежей. Циркулярно предписывалось описывать имущество, начиная с большого и кончая мелочью, а если не на что обратить внимание – описывать последнюю корову и лошадь. Уполномоченный Барановского ВИКА Саратовской губернии на собрании крестьян с. Ключи заявил: "Если крестьяне до 20 февраля 1929 г. не сдадут хлеб добровольно, то придется мести под метелку" [30, С. 123, 124].

Какой могла быть реакция крестьян на подобного рода ультимативные заявления представителей власти? Разумеется, протестная, постепенно перерастающая в призывы к восстанию. Секретарь Альметьевского волкома Татарской Республики в письме в обком ВКП(б) так и написал: "Настроение масс похоже на канун вилочного восстания" [31, С. 205]. Иначе говоря, на политическом небосклоне вновь зазвучали предгрозовые раскаты противостояния крестьянства и власти, подобно тому, что уже происходило в начале 1921 г. Но если тогда, находясь на краю политической пропасти, власть согласилась на уступки крестьянам в виде НЭПа, то в конце 1920-х годов ей уже ничего не угрожало, и она все меньше церемонилась с ними.

Таким образом, новые источники передают сложную общественную атмосферу в одном из наиболее крупных регионов страны

в 1920-е годы. Анализ документов приводит к выводу, что недоверчивый характер взаимоотношений крестьянства и власти сохранялся весь период НЭПа. Но наиболее достоверными следует признать те сведения ОГПУ, которые отражают накал политического противостояния, перерастающий в протестные действия и даже восстания. Акты общественного неповиновения доказывают, что крестьянство не приняло налоговую политику, что продналог был тяжел для выполнения и отождествлялся с продрозверсткой времен "военного коммунизма".

Исходя из этого можно заключить, что неискренний характер сообщений Губчека, максимально сглаживающих реальную картину происходящего, играл деструктивную роль как в процессе хозяйственного восстановления, так и в политической стабилизации страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919 – 1922: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2002; Лубянка, Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936: Документы. – М.: 2003; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. – М.:1998; "Совершенно секретно": Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.). – М.: Изд. центр Ин-та росс. истории РАН, Т.1.Ч.1: 1922 – 1923; Т.2. Ч.1.:1924. – М.: 2001; Т.3 в 2-х ч.: 1925. – М.: 2002; Т.4 в 2-х ч.:1926. – М.: 2002; Т. 5:1927; Т.6:1928; Т.7: 1929. – М.: 2003 и др.
2. См.: *Про А.* Двенадцать уроков по истории. – М.: 2000.
3. См.: Крестьянское движение в Поволжье.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1921. № 26 – 147.
16. Государственный архив Самарской области. Ф. 76. Оп. 1. Д. 2113.
17. См.: Крестьянское движение в Поволжье.
18. Там же.
19. Письма во власть: 1917 – 1927. – М.: РОССПЭН, 1998.
20. Там же.
21. См.: Собрание узаконений. 1922. № 19 – 221.
22. См.: "Совершенно секретно...": Т.1. Ч. 1.

23. См.: там же. Ч. 2.
24. Там же.
25. Там же. Ч. 1.
26. *Яковлев Я.* Деревня как она есть. – М.: Красная новь, 1925.
27. См.: "Совершенно секретно...": Т. 3. Ч. 1.
28. Там же. Т. 6: 1928.
29. Там же.
30. Там же.
31. Цит. по: *Шайдуллин Р.* Крестьянские хозяйства Татарстана: пути и проблемы их развития в 1920 – 1928 гг. – Казань: 2000.

NEW SOURCES ON SOCIO-POLITICAL HISTORY OF THE MIDDLE VOLGA COUNTRYSIDE IN 1920S

© 2008 I.A.Gataullina

Kazan State University of Architecture and Building Construction

In the paper the published documents of Joint State Political Directorate (OGPU) are examined in accordance with source criticism approach. These documents reveal socio-political position of the Middle Volga village. The contradictory character of relationships between the authorities and society that persisted through the whole period of NEP is researched through the prism of sincerity and reliability of local special services reports, and also through the letters of local citizens.